

УДК 821.161.1.09 «18»

ТРАДИЦИИ РИМСКОЙ ЛЮБОВНОЙ ЭЛЕГИИ В ЛИРИКЕ Д. ДАВЫДОВА*

© 2012 г.

Е.В. Колышнев

Петрозаводский госуниверситет

kolyshneva @yandex.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Анализируется отражение в цикле любовных элегий Д. Давыдова тем, образов и мотивов античной (римской) любовной элегии, воспринятых поэтом через посредство творчества французских поэтов – в первую очередь Парни и Бертена.

Ключевые слова: элегия, Д. Давыдов, французская элегия XVIII в., римская любовная элегия.

Хотя творчество Дениса Давыдова принадлежит золотому веку русской литературы, достаточно долго оно не привлекало внимания исследователей. В основном в работах, посвященных Д. Давыдову, акцент делается на изучение военной лирики, т.к. военная тема и составляет собственно творчество поэта. Давыдов прославился как талантливый поэт и военачальник, предводитель партизанского движения, участник Отечественной войны 1812 года. Он был «одним из самых поэтических лиц русской армии» [2]. Тем не менее, проблемы рецепции античного наследия в творчестве Давыдова недостаточно исследованы. Его стихи часто воспринимают через ореол воинской героической славы. Изучение традиций античности в лирике Д. Давыдова уходят на второй план.

Для исследования мы выбрали цикл любовных элегий поэта, написанных в период 1814–1818 гг. И цель нашей работы – изучение данного цикла с точки зрения присутствия и трансформации в нем традиций римской любовной элегии (А. Тибулл и С. Проперций) и с учетом развития этой традиции во французской любовной элегии XVIII в. Обращение к творчеству французских поэтов необходимо, поскольку знакомство русской литературы с традициями античности происходило двумя путями: напрямую, либо через творчество европейских, в первую очередь французских авторов. Д. Давыдов выбрал второй путь.

Рассматриваемый нами авторский цикл любовных элегий, представляет историю последовательно развивающегося чувства. Подобное описание мы найдем в цикле стихов римских

поэтов А. Тибулла и С. Проперция, а также французских элегиков А. де Бертена и Э. Парни.

Обратимся к первой элегии цикла, в которой присутствуют аллюзии, восходящие к произведениям Э. Парни «Ma morte» и «Le lendemain». Основная тема произведения Давыдова – зарождающаяся любовь. Герой поэта-гусара рассказывает о своих душевных порывах, тогда как во французских элегиях описывается появление трепетного чувства у возлюбленной героя. Здесь Давыдов ближе к античной традиции. Римский поэт А. Тибулл также в своих произведениях изображает пробуждение страсти в сердце героя: *Я же – закованный раб: в оковах красавицы милой* [3, с. 161]. В этой же элегии герой Тибулла именует свою подругу госпожой (*domina*). Подобное возвеличивание присутствует у С. Проперция в элегии VII книги I. *Своей хозяйкой* называет любимую и герой Э. Парни: *o ta maîtresse!* [4, с. 108; 110]. Следуя за французскими и римскими поэтами, Давыдов превозносит возлюбленную героя, называя ее *владычицей смертных и богов* [5, с. 73]. В III элегии русский поэт воспевае талант девушки, называя ее *Российской Терпсихорой* [5, с. 75], такое признание возвышает возлюбленную до богини танцев (здесь проскальзывает биографическая деталь: предположительно, основной адресат элегий – Татьяна Иванова, танцовщица московской балетной труппы). Герой Э. Парни в произведении “Plan d’études” также восторгается дарованиями подруги: изяществом танца, ее голосом и пением. Восхваление талантов, которыми обладают любимые, мы найдем и у римских поэтов. Проперций в книге II элегии I прославляет поэтические и музыкальные дарования возлюбленной героя.

После обращения к любимой поэты переходят к изображению красот ее тела. Этот прием также восходит к античности. Герой Проперция

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII–XIX вв»), проект № 10-04-00084а.

часто обращает внимание на белоснежность груди девушки: *там где иная сидит, белую грудь обнажив* [3, с. 330], или восхищается молодостью тела:

Ведь не обвисли еще, мешая играть тебе, груди,

Пусть поглядит на них та, что постыдилась рожать [3, с. 317].

Французские поэты не обошли эту тему в своих произведениях. Э. Парни без стеснения описывает трепетную грудь возлюбленной под легким покровом:

*Ton sein, doucement agité,
Avec moins de timidité
Repousse la gaze légère
Qu'arrangea la main d'une mère,
Et que la main du tendre Amour,
Moins discrète et plus familière,
Saura déranger à son tour* [4, с. 66].

*Твоя грудь, слегка беспокойная,
С меньшей застенчивостью
Накрытая покровом легким,
Который привела в порядок рука матери,
И который рука нежного Амура,
Менее скромная и более знающая,
Приведет в беспорядок вновь.*

(подстрочный перевод французских поэтов наш. – Е.К.)

В элегии «Délire», книги III, Парни пишет:

*Avec lenteur sa main voluptueuse
D'un sein de neige entrouvre la prison,
Et de la rose il baise le bouton
Qui se durcit sous sa bouche amoureuse* [4, с. 113].
*С медлительностью его сладострастная рука
Приоткрывает тюрьму белоснежности груди,
И розы он целует бутон,
Который твердеет под его влюбленными губами.*

У Давыдова мы не найдем подробного описания красот тела возлюбленной, свойственного французам. В элегии VIII мы встретим следующее описание тела возлюбленной:

*Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
Зачем скользит небрежно покров
С плеч белых и груди высокой?* [5, с. 88]

Д. Давыдов, используя недосказанность в описании прелестей подруги героя, с одной стороны, отличается большей скромностью, с другой, дает читателю простор для воображения.

Важно также отметить тему воинской славы, которая проходит через весь цикл элегий. Давыдов осознает, каким трудом достигается

слава, сколько крови проливается ради победы, и в связи с этим наибольший интерес представляет тема отказа от воинской славы ради любви:

*Возьмите меч – я недостоин брани!
Сорвите лавр с чела – он страстью помрачен.
<...>
Ах! пусть бог Фракии мне срамом угрожает
И, потрясая лавр, манит еще к боям...* [5, с. 73]

Отказ от славы во имя любви присутствует и у римских элегиков, и у французских. Но в произведениях Э. Парни и А. де Бертена воинская слава вовсе не фигурирует, они пишут о литературной славе и об ее отказе:

*Je suis amant, et ne suis point auteur
Je ne veux point d'une gloire pénible;
<...>
Je n'irai pas sacrifier ma vie
Au fol espoir de vivre après ma mort* [4, с. 108; 110].
*Я любовник, и не совсем поэт.
Я совсем не хочу тягостной славы;
<...>
Я не пожертвую своей жизнью
Безумной надежде жить после моей смерти.*

В элегиях Тибулла и Проперция герои отказываются от богатств и славы военной, но в их произведениях тема войны и любви противопоставляются, тогда как у Давыдова эти темы сливаются и объединяются в раскрытии образа главного героя. Римские поэты понимали любовь как войну, войну жестокую, где каждый любовник представлялся настоящим воином, об этом еще писал Овидий:

*Militat omnis amans, et habet sua castra Cupido;
Attice, crede mihi, militat omnis amans.
Всякий влюбленный – солдат, и есть у Амура свой лагерь.
В этом мне, Аттик, поверь: каждый влюбленный – солдат* [6, с. 38].

Лирические герои не осознавали себя реальными воинами. Для героя Проперция важнее быть героем в *битве на узкой постели*. [3, с. 289] Давыдов же античную метафору делает реальностью, он изображает настоящую войну со всеми деталями, особенно ярко показаны военные действия в IV элегии:

*В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал* [5, с. 79].

Именно на поле брани стремится герой Давыдова после осознания неверности подруги, и

там он готов умереть от руки врага, герои же французских поэтов спешат в другие страны.

В цикле элегий Давыдова присутствует, появившаяся еще в I в. до н.э., тема запертой двери как символ препятствия на пути достижения счастья. Тематически сюда примыкает и изображение скрипучей двери, которую герой Тибулла в элегии II книги I просит: *И не скрипи, коль тайком тебя ночью отонрут* [3, с. 162]. Герой Бертена негодует на того, кто создал скрипучую дверь и заставил скрипеть петельные крюки дубовых дверей (*Et fis crier les gonds sous des portes de chêne*) [4, с. 176; 178].

Давыдов следует за Бертеном, проклиная создателя скрипучей двери, а не саму дверь:

*Пусть бога-мстителя могучая рука
На теме острых скал, под вечными снегами
За ребра прикует чугунными цепями
Того, кто избрал ревнивого замка
Закрепы звучные и тяжкими вратами...* [5, с. 73]

У Тибулла дверь становится персонажем, почти олицетворяется. Давыдов и Бертен говорят о ее изобретателе, человеке, сознательно сотворившем зло.

На протяжении всего цикла элегий Давыдова вниманию читателя представлена целая гамма любовных переживаний. Поэт-гусар не идеализирует романтическую любовь. Не только лишь светлая сторона отношений, но и страдания и терзания показаны автором. Столкнувшись с изменой подруги, герой Давыдова в элегии VI обещает, что изменницу будет преследовать призрак бывшего возлюбленного. Римский поэт Проперций в элегии XIX книги II пишет о тени обманутого любовника: *illic quidquid ero, simper tua dicar imago* [7], что в переводе Л. Остроумова звучит так: *там я, кем бы ни стал, прослышу тебе верною тенью* [3, с. 282]. Герой Парни пророчит бывшей возлюбленной, что его тень никогда ее не покинет. Если французскому поэту важно описать действие тени лирического героя, то римский элегик сосредотачивает внимание читателя на самом факте существования подобной тени. Давыдов же обрисовывает поступки *грозящего призрака, посланника мщенья*.

После разочарований, измен и страданий в жизни героя появляется новая любовь. Этому посвящена элегия VIII Давыдова, которая представляет интерес из-за обилия реминисценций, восходящих ко 2-й оде Сафо. По предположению Е.В. Свиясова, Давыдов был знаком с французской версией перевода, осуществленной Буало [8, с. 186]. Картина счастья от пребывания рядом с возлюбленной, описание *дрожи*

любви, огня в крови, смерти от наслаждения – все это есть у Буало и Давыдова.

Но наслаждение от свидания пропадает, когда приходит время расставаться, время не лучший друг влюбленным. Встреча их не может длиться вечно, как бы они этого ни желали. Римские поэты часто затрагивали тему быстротечности времени рядом с возлюбленной. Проперций в элегии XII книги I пишет о долгих одиноких ночах и о мимолетности страсти и любви. Эта тема присутствует и у Парни в элегии “*Délire*”, книги III, и у Давыдова, причем у последнего она освещается в одной строке: с тобой летят, летят часы [5, с. 85].

Последняя элегия цикла раскрывает трансформацию сознания героя, который уже точно решил, что счастье не в воинской славе и победах, а в тихой, мирной жизни с любимой на лоне природы. Идеализация сельской жизни вдвоем с возлюбленной восходит к I в. до н.э., к творчеству Тибулла. У Проперция, в отличие от Тибулла, герой изображен городским человеком и в его элегиях мы не найдем прославления сельской жизни. I книга элегий Тибулла открывается произведением, воспевающей тихую, счастливую жизнь и сельский труд:

*Ну, а меня пусть бедность ведет по медлительной жизни,
Лишь бы пылал мой очаг неугасимым огнем.
Сам бы в деревне я стал выращивать нежные лозы,
В пору умелой рукой яблонь сажать деревца,
Грей, о Надежда, меня и грудами сыть урожай мне,
Полными чанами лей сусло густого вина!* [3, с. 159]

Вслед за Тибуллом сельские «труды и дни» описывают Бертен, XXII элегия (книга III) которого полностью посвящена воспеванию сельской жизни:

*Soit que, le jour tombant, à nos travaux chéris
La cornemuse nous rappelle;
Que dispersant les grains que ta robe recèle,
Ta voix se fasse entendre aux oiseaux de Cypris* [4, с. 188; 190].

*Либо с наступлением дня о наших любимых работах
Вольнка нам напоминает;
Рассеивая зерна так, которые твое платье несет,
Что твое пение слышалось птицам Кипра.*

и Давыдов:

*И мирный семьянин, не постыжусь порою
Поднять смиренный плуг солдатскою рукою
Иль, поселян в кругу, в день летний золотой
Взмахнуть среди лугов железною косой* [5, с. 89].

Герой Давыдова описывает свои труды на поле. У Бертена прослеживается влияние пасторали – прекрасная пастушка на поле занимается сельским трудом. Описание труда Давыдова более реалистично, ближе к жизни. У французского поэта это описание более «литературно», условно. Здесь Давыдов близок к античному поэту, воспевающему счастье в собственном труде.

Таким образом, Д. Давыдов, используя и трансформируя темы, мотивы, образы, заимствуемые у французских элегиков, усваивает античную традицию и подчас сквозь ткань изящной эротической французской элегии XVIII века приближается к античным авторам ближе, чем сами французы.

Список литературы

2. Барков А.С. Денис Давыдов: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/bio/barkov_as/index.html (дата обращения 26.05.2011).
3. Катулл, Тибулл, Проперций / Под общ. ред. С. Апта. М.: Гослитиздат, 1963. 512 с.
4. Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В.Э. Вацуро. М.: Радуга, 1989. 688 с.
5. Давыдов Д. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1984. 240 с.
6. Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Пер. с лат. С.В. Шервинского. М.: Худож. лит., 1983. 512 с.
7. Проперций. Элегия XIX. Книга I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/propertius1.html#19> (дата обращения 26.05.2011).
8. Свиясов Е.В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – начала XX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 400 с.

TRADITIONS OF ROMAN LOVE ELEGY IN D. DAVYDOV'S POEMS

E.V. Kolyshneva

The article examines the reception of classical heritage in D. Davydov's elegies. The traditions of Roman love elegy were perceived by Davydov via French poets, first of all, Parny and Bertin.

Keywords: elegy, D. Davydov, reception of classical heritage, French elegy of the 18th century, Roman love elegy.